

РЕЖИССЕР
ТВОРЧЕСТВО

Закончить «Шинель» — смысл жизни Юрия Норштейна

ЕЖИК БЛУЖДАЕТ В ТУМАНЕ

Вег. Москва, — 2000. — 19 ссб. — е. в.

Тридцать один год назад группа студентов художественного факультета ВГИКа посмотрела два мультфильма: «Стеклянную гармонику» Андрея Хржановского и «Сечу при Керженце», сделанную Юрием Норштейном.

На другой день семеро студентов из пятнадцати, учившихся на отделении игрового кино, подали заявление о переходе на отделение мультипликации. Среди семерых был и я. Такова была сила этих фильмов.

Владимир ПИМЕНОВ

Тогда имя Норштейна прозвучало для нас впервые. Теперь все знают и «Ежика в тумане», и «Сказку сказок». А «Шинель» никто не видел, потому что она еще не доделана, хотя начата в 1981 году (смонтировано 2 части).

Почему? Причин много. Одна из них проста, «как правда», — нет денег. Вторая сложнее — режиссер Норштейн отвергает все экономические законы кинопроизводства, потому что они не позволяют превратить процесс производственный в процесс творческий, авторский — на все сто процентов. «Так снимать нельзя!» — вот суть взаимоотношений между киностудией и режиссером Норштейном.

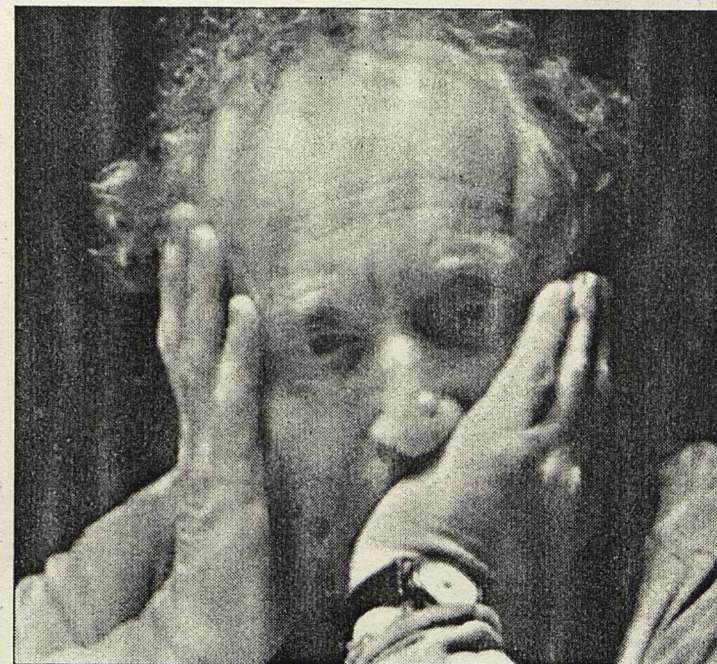
Ваш покорный слуга снял только один мультфильм. И когда добытый потом и кровью продукт годовой деятельности съемочной группы из шестнадцати человек Госкино положило на полку только потому, что «это никому не нужно» — других претензий не было высказано, — я сказал: «Делайте кино сами» и ушел в художники. Вероятно, не было у меня той са-

мой страсти, которая движет Норштейном. В минуты отчаяния он тоже поет: «Ну почему я не стал художником! Я ведь прилично писал. Ведь мог же! И жил бы спокойно». И продолжает снимать кино.

Идеальная продукция для кинофабрики — «Ну, погоди!...» Когда-то я спросил Вячеслава Котеночкина, как он сам относится к своему детищу. «Меня тошнит от одной только мысли, что придется делать очередной выпуск. Напиваюсь, чтоб забыть».

Как положено, вокруг лидера сплываются единомышленники, получается «семья». Прежде всего это его незаметная прозрачная тень — Франческа Ярубсова, Фрэнк, художник-постановщик почти всех фильмов, жена, друг, сподвижник. Именно она воплощает зримо замыслы режиссера и уходит в тень. Ежик, Волчок, Акакий Башмакин, изобразительная Среда — это все Франческа. А еще дом, двое детей, Боря и Катя, и внуки — это тоже Фрэнк. Борис стал художником, расписывает церкви, живет в Москве. Катя — аниматор, как папа, живет в США (только потому, что в России нет спроса на профессию).

...Норштейн мотается по свету, читает лекции в Канаде и Японии, Швеции и США. Его авторитет высок, ему хоро-

шо платят, но все деньги он вкладывает в «Шинель». Закончить «Шинель» — смысл жизни. Во Франции нашлись спонсоры, которые предоставили прекрасную съемочную аппаратуру, а в России пришлось брать за заказные рекламные ролики и заставки. Но Норштейн — это Норштейн. Он органически не способен изготовить ширпотреб. Работа над заставкой «Спокойной ночи, малыши» тянулась почти два года (она

уже демонстрируется на экране в незаконченном виде). Заставка разрослась в новую «Сказку сказок».

В ноябре прошлого года ушел из жизни оператор Саша Жуковский — он был двигателем «Шинели». Но студия жива. «Норштейновцы» живут на студии и делают норштейновское кино. «Сам» спит тут же на топчане, купается в проруби зимой и ездит на велосипеде летом. Он, слава Богу, жив-здоров и даже иногда улыбается.

19.10.2000

дм. пименов

9/11